

Полоса препятствий Хворостовского

ПЕВЧЕСКИЕ БИЕННАЛЕ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Хворостовский и Аркадьев. Последний концерт грандиозного двухгодичного фестиваля "Певческие биеннале". Аншлаг, шквал аплодисментов, крики "браво". Все сопутствующие успеха налицо. Вот только вопрос — а успех... был ли?

Певец и его аккомпанатор начали с Чайковского. Каждый из шести романсов — "Нет, только тот, кто знал", "Примирение", "Мы сидели с тобой", "Тюданг", "Отчего", "Снова, как прежде, один" — явился в исполнении героев вечера цельной миниатюрой, где каждая фраза, вокальная и фортепианная, плод вдумчивых трудов, где каждое слово пронумеровано, — но что ж все вместе вышло так однообразно и предсказуемо?

Лишь пара новых элементов появится на этом мастерски выстроенном, но типовом сооружении. Только лучше б их не было! Шутовое дыхание и узкий, губительный для тембра "железный стержень" в голосе, кажущиеся в романсах Чайковского еще досадной случайностью, потом в малеровском и свиридовском циклах сделаются нормой и не раз заставят воскликнуть про себя: "Тда ж вы, бывшая воля, полетность, безупречная красота, которыми так прославился этот голос? Что с вами, наш кумир, — устал ли, нездоров или забыл, что и драгоценные металлы тускнеют без надлежащего ухода?..." Однако пора вслед за певцом подступиться и к Малеру.

Тот, кто переплыл реку под названием "Льрика Чайковского", по всем приметам, не должен утонуть в "Песнях странствующего подмастерья". Это в некотором смысле родственные потоки. Но Хворостовский утонул. "Песни" вышли и нервные, и неровные. Желание подробнее расцветить фразу выливалось в пестроту. Интонационные промахи и невесть отсюда взявшиеся подьезды к искомой ноте размывали общий рисунок. Борьба с немецким языком оборачивалась то победой — ясной рельефной артикуляцией, то поражением, и тогда какие-нибудь "фламмле" и "либеншафтлюхи" застревали в гортани. Но и в этом, похоже, еще сыром, цикле отыскалась удача. Это четвертая, зыблочательная часть — "Толстые глазки", сплетая удивительно по настроению. После обманной надежды на скорое избавление от любовных страданий, после всплеска отчаяния (которые есть у Малера, но еще не вышли у Хворостовского) — не

ФОТО А. СТЕПАНОВА

умиротворение, не просветление, это было бы слишком примордиально, а только душевная усталость. И тихая горечь. Вот что отлично удалось певцу!

Свиридовский цикл "Петербург" впервые, по крайней мере в Москве, был представлен целиком — девять против шести исполненных в прошедшем ноябре номеров. Казалось, певец все понимает, все чувствует, как и о чем надо говорить. Но что временами сковывало его язык, что парализовывало эмоцию? Ведомые им, мы будем продираться сквозь скуку ("Я пригвожден к трактирной стойке", "Ветер принес издалека"), будем вязнуть в лирической азарта "Петербургской песенке" и наблюдать потухший огонь там, где речь идет об "испепляющих годах", — но все-таки не мануем озаренных чудесным светом островков, где певец поселит свою (я свиридовскую) "Невесту", непромежу и трагическую, где "тоской небытия" зазвучит его "Голос из хора", где прикроет всех и вся своим спасительным покровом такая пронзительная в его исполнении "Богородица в городе"... Прозвучи все у Хворостовского на такой же высоте — какой бы мог быть концерт!

Хотя согласимся — и тот, что вышел, был отработан на совесть. По мере наличествовавших в тот момент сил. Но какова их настоящая мера — мы-то знаем.